

Статьи

ТИП ПОДЪЯЧЕГО В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
XVIII ВЕКА (II)

Ирина Куликова

Вильнюсский педагогический университет
Кафедра русской литературы

Лихоимец-подьячий обычно изображается **корыстолюбивым** и **алчным**. В «Эпитафии подьячему» Сумарокова говорится, что подьячий «и, умираючи, ещё просил запасу» (Муза пламенной сатиры 1988, 60). В урывании mzды подьячий ненасытен, обирая челобитчика до последней нитки. «Оборони, господи, затягаться с подьячими, – предостерегает один из персонажей комедии Верёвкина «Точь-в-точь», – они, проклятые, ведь, как злая лихорадка, не вытряся у тебя всего жирку из тела, право, не отстанут» (Верёвкин 1785, III, 9). Показательна в этом отношении сумароковская притча «Овца», в которой рассказывается о том, как вымокшая от дождя овца, зайдя обсушиться в поварню, лишилась там шубы. Притча заканчивается стихами, раскрывающими смысл аллегии:

Я целю вить не в бровь, я целю в самый
глаз:

Зайди с челобитьем когда в приказ.

(Русская басня 1966, 54)

«Занапрасно Ободранным» называет себя автор письма к сочинителю «Всякой всячины» по поводу подьячих, ко-

торых он именует «кровососами» (Русская литература XVIII века 1979, 356). Алчность подьячих отмечается и Княжениным в его определении подьячего как «рода саранчи, которая чрезмерно плодуща и прожорлива» (Русская сатирическая проза XVIII века 1986, 183).

Корыстолюбивый подьячий обыкновенно наделяется продажной совестью. В романе о Ваньке Каине «приказный крючкотворец», который «из денег всё ... сделать может», подкупается подельниками Ваньки: «[Они] уверили подьячего, что Каин подлинно московский купец, а сверх того подарили ему десять рублёв денег, который за сию сумму не только совесть, но и со всем бы потрохом свою душу продать охотно согласился. Возвратясь в канцелярию, подьячий репортовал полковнику письменно, а притом и на словах доносил и уверял по чистой подьяческой совести, что Каин действительно московский купец». В авторском примечании к «чистой подьяческой совести» Комаров замечает, что, «по мнению честных людей, у полудюжины самых лучших подьячих не более пяти золотников

имеется хорошей совести» (Повести разумные и замысловатые 1989, 348-349).

Однако чаще подьячий предстаёт как человек вообще не имеющий совести, ни, соответственно, её проявления – стыда. «Бессовестным» определяется подьячий у Сумарокова, он же говорит о «подьяческих порядках» «без стыда со всех» брать «взятки» (Сумароков 1957, 209, 298). Бессовестным характеризуется ставший приказным крючкотвором Несмысл, герой «Повести о новомодном дворянине» Лёвшина: «Я умолчу, что он не мог никогда привести на память свою совесть. Оная несвойственна подьяческой породе» (Повести разумные и замысловатые 1989, 479). «Бессовестными» называются подьячие и судьи в басне Попова «Два вора». Когда отставной секретарь Обиралов краснеет, один из персонажей комедии «Перемена в нравах» иронически замечает: «Ба! да и подьячие краснеют! я не думал, чтоб они чего-нибудь могли стыдиться» (Перемена в нравах 1789, I, 10).

Характерной чертой подьячего является его **бездушие по отношению к обираемым им людям**. В описании последних обычно подчёркивается их безвинность или бедность, в сравнении с которыми контрастно оттеняется чёрствость и бессердечие подьячего. Так, ни в чём не повинна оклеветанная подьячим старая просвирня, из которой кнутом пытаются выбить признание («Продолжение следствия моего сновидения. Письмо к наборщикам второе» Ржевского). По вине подкупленных подьячих умирает в остроге бедная вдова («Вдова в суде» Хераскова). «Грабил

и брал ... со всех людей немилосердно и без пощады» подьячий из «Разговоров в царстве мёртвых» Приклонского (Русская сатирическая проза XVIII века 1986, 35). «Тьмы» «червонцев и рублей» «сбирал с невинного народа» «чиновный» из басни Попова «Два вора». В «Отрывке путешествия в *** И*** Т***» Радищева контраст усилен антитезой «веселье – горе»: «Худый судья и негодный подьячий веселились, что в минувший день сделали прибыток своему карману и пролили новые источники невинных слёз» (Радищев 1988, 195).

В сатире XVIII в. подьячий часто выводится **пьяницей**. Приняв деньги в оплату за свои «труды», подьячий в комедии Сумарокова «Приданое обманом» (1750-ые гг.) тут же просит себе «чарку водки поднести», дабы опохмелиться после вчерашнего, заявляя при этом: «Водочка нашему брату ... очень здорова. Чарка водки приказному человеку вторая жена» (Сумароков 1990, 360). Обиралов в «Перемене в нравах» признаётся, что до женщин он «не охотник», зато любит «деньги да хмельное» (Перемена в нравах 1789, I, 9). Пьянством объясняет своё попадание в мир иной подьячий из «Разговоров в царстве мёртвых» Приклонского: «<...> при том я был и охотник до вина, то зашёл в кабак и, в нём попивши с своими друзьями, вышел уже очень хмелен оттуда и, не отошед с две сажени, упал и умер» (Русская сатирическая проза XVIII века 1986, 35). В сумароковском «Письме о некоторой заразительной болезни» подьячий пьёт с чёртом в Петровском кружале [питейный дом в Москве. – И.К.],

где они «нахлоусталися, а сверх того и на дорогу стклянницу водки и чарку взяли...» (Русская литература XVIII века 1979, 238). Подьячие упоминаются в списке спившихся в «Елисе...» В. Майкова:

Купцы, подьячие, художники, крестьяне
Спилися с кругу все...

(Русская литература
XVIII века 1970, 233).

Пьянство как типическая черта подьячего отмечается и в жанре сатирической эпитафии, подводящей итог человеческой жизни и выделяющей главное в ней:

Подьячий здесь зарыт, нашёл который
клад;

У бедных он людей пожитков поубавил,
Однако ничего не снёс с собой во ад,
Но всё имение на кабаке оставил.

(Сумароков 1957, 260)

Особенно примечательна в изображении подьяческого пьянства «русская сказка» Лёвшина «Досадное пробуждение», героем которой является подьячий-пьяница Брагин. Смысл своей подьяческой службы Брагин видит только в зарабатывании денег на выпивку, к которой он относится философски. Своё пьянство он осознанно противопоставляет приказным нравам: «Я пью вино <...> для того, что вкус оно мне нравится. Многие пьют кровь своих ближних, однако ж не всегда их за сие сажают в железы. Начальник мой секретарь разоряет в год до несколько десятков целых фамилий; он подлинно высасывает все их жизненные соки <...>, но я не хочу с ним равняться: он бесчеловечен, а я друг ближним моим... Будь про-

клят секретарь и здравствуй, любезное вино! Мы с тобою никогда не расстанемся» (Повести разумные и замысловатые 1989, 492). Страсть к вину у этого рыцаря пьянства настолько сильна, что, получив после встречи с богиней счастья возможность исполнять любые свои желания, он прежде всего хочет, чтобы его «везде поили безденежно» (там же, 493). Всё, что связано с чинами, материальным достатком, Брагина не прельщает: «Все состояния в свете толь для меня не завидны, что я из оных не изберу, в котором можно бы жить спокойно. От высшего чина до нижнего всякое наполнено сует, беспокойств и опасности. Вышним завидуют, нижних притесняют; а я не хочу быть ни притеснителем, ни притеснённым...» (там же, 494). Показательно в связи с этим, что образ Брагина абсолютно лишён ведущих типологических черт подьячего – взяточничества и крючкотворства и в этом плане «выпадает» из стереотипа, предстывая «белой вороной» среди подьяческих персонажей русской литературы XVIII в.

Фантастическая «сказка» Лёвшина (все события в ней происходят в пьяном сне Брагина) интересна и тем, что в ней дан один из первых подробных портретов подьячего в русской литературе, все детали которого отличаются натуралистичностью описания: «багровый и угреватый нос»; «сывороточно-серые глаза»; «синеватые и опухшие губы»; «смуглый и в приличных местах рдевший цвет лица»; «в зубах щербины, произведённые смелою рукою ражего мясника на последнем кулачном сра-

жении»; «чёрные брови», навислые «до самых ресниц»; «замасленный синий, с зелёными заплатами кафтан»; «медные и разных цветов шерстяные пуговицы»; «долгий и ниже колен простирающийся камзол»; «обувь, которая могла спорить древностию с редчайшими остатками прошлых веков, которая покрыта была трёхгодовою грязью и из-под которой при каждом ступне [шаге. – И.К.] выскакивали на свободный воздух кривые пальцы» (там же, 494, 495).

В описании пьянства подъячих нередко используется мотив подъяческой пирушки. Обычно его функцией является разоблачение продажности приказных, как в случае, когда корпоративное застолье предстаёт как форма коллективного подкупа, так и в случае праздника по каким-то личным поводам. Ярким примером первого может служить описание обеда-подкупа в листе XXXIV «Трутня» за 1769 г., устроенного купцом, «дело» которого «имеет быть вскорости предложено к слушанию», «П р а в о с у д и ю» из восьми человек «в виде нескольких секретарей и прочих приказных служителей». «У сего П р а в о с у д и я, – замечает очевидец обеда, – глаза не были завязаны, они ими смотрели на стол, для них приготовленной; по нескольких обнадёживаниях, что купецкое дело решено будет скоро, сели они за стол...». Примечателен перечень напитков, поданных Правосудию: шампанское, венгерское, бургонское «и прочие хорошие и дорогие вина», «аглинское» пиво. Дешёвым вином П р а в о с у д и е «оскорбляется» – желавшему сэкономить купцу пришлось переменить ординарное вино

на бургонское. «При выходе» из трактира очевидец пирушки примечает, что «П р а в о с у д и е начинает уже шататься» (Новиков 1951, 170, 171).

Некий праздничный обед у регистратора, положенный в основу сюжетной ситуации притчи Сумарокова «Подъяческая дочь», также служит обличительным целям:

Нахлюставшись, писцы о взятках стали
врать,
И что-де подлежит за труд и кожу драть,
Не только брать;
За то ругают нас, да это нам издёвка.

(Русская басня 1966, 58)

О сатирической эффективности изображения подъяческой пирушки, строящемся на приёме саморазоблачения персонажей, говорит и несохранившаяся пьеса Аблесимова с тем же названием – «Подъяческая пирушка» (1767 / 1768). Пьеса была отдана на цензурное рассмотрение, но ни поставлена, ни опубликована не была. По предположению крупнейшего исследователя русской комедии XVIII в. П. Н. Беркова, вероятнее всего – из-за новизны тематики и сатирической остроты: «<...> «Подъяческая пирушка» вводила ... в среду, до того времени на сцене ещё не показанную, а именно в мирок чиновников, подъячих, обычно изображавшихся в комедиях 1750–1760-х годов только эпизодически. Можно предполагать, что в «Подъяческой пирушке» мир чиновников был нарисован без особых симпатий и, по-видимому, в привычных для данной темы сатирических тонах; <...> может быть, и самая пирушка, о которой говорит заглавие, представляла как торжество порока, как увенчание

подьяческих плутней. <...> Обстановка..., которая была показана в комедии Аблесимова, по-видимому, была столь безотрадной, что осуществлявший тогда театральную цензуру И. П. Елагин не счёл возможным пропустить пьесу на сцену» (Берков 1977, 116–117).

К типическим чертам подьячего следует отнести и его **заносчивость**, истекающую от чувства собственной значительности, порождаемого, в свою очередь, пониманием зависимости от него просителей и челобитчиков. В «Тресотиниусе» Сумарокова в ответ на слова офицера Брамарбаса: «Когда вы [имеется в виду всё подьяческое племя. – И.К.] рождаетесь, так радоваться нечему» подьячий готов заявить на него в суд и требовать оплаты «бесчестья»; в противовес шпаге, «праву офицерскому», он указывает на своё перо, право подьяческое, со словами: «Это хоть и не так остро, однако иногда колет сильнее и шпаги» (Сумароков 1990, 302). Обращает на себя внимание в этой сцене быстрая смена поведения подьячего: от заискивающего выпрашивания у Брамарбаса «запасу» до прямых угроз в его адрес. Наделён завышенным самомнением и подьячий из «Разговоров в царстве мёртвых» Приклонского. Оказавшись в мире мёртвых, подьячий искренне удивлён, что его «здесь не знают», и также готов «это» заявить: «Извольте послушать, приказного человека не знают; это против всех указов» (Русская сатирическая проза XVIII века 1986, 34). Обиралов в «Перемене в нравах» также готов «тотчас» подать «челобитну» на купца, если бы тот стал

с ним «дерзко поговаривать»: «<...> заговорил бы он у меня другою погудкою; вишь, какой неуч, не обсервует рангу» (Перемена в нравах 1789, I, 9). Преувеличенное представление подьячих о собственной значимости сатирически отражено и в рассказе канцеляриста из романа Чулкова «Пригожая повариха, или Похождение развратной женщины» (1770) о чтении оды «какого-то Ломоносова», которую «всем приказом разобрать ... не умели»: «<...> да что больше говорить, сам секретарь сказал, что это бредни и не стоит она последней канцелярской записки» (Повести разумные и замысловатые 1989, 299).

Подьячий в произведениях XVIII в., как правило, изъясняется на **особом языке**, отражающем характерные черты реальной речевой манеры приказных людей этого времени, с множеством лексических и фразеологических канцеляризмов и канцелярским же, тяжёлым синтаксисом. В наиболее сгущённом виде они представлены в сценической речи подьяческих персонажей Сумарокова, в эстетической программе которого борьба с засильем канцеляризмов в «российском языке» была принципиальным вопросом. Особого сатирического эффекта при этом Сумароков достигает, используя приём комического несоответствия содержания высказывания его приказно-канцелярской форме. Так, в комедии «Приданое обманом» подьячий заявляет выпившему его чарку водки Пасквину: «Вы это учинили против государственных прав, понеже вышеозначенную чарку по силе регламента выпить подлежало мне, нижеимя-

нованному, а не вашему высокопревосходительству» (Сумароков 1990, 360). В этой реплике бытовое действие («чарку выпить») выражено посредством канцелярских штампов письменной речи («учинили против государственных прав», «понеже», «вышеозначенную», «по силе регламента», «подлежало мне, нижеименованному») такой плотности, что превращается в некий преступный акт, за совершение которого можно и взыскать с обидчика (и действительно, после реплики подьячего между ним и Пасквиным возникает словесная перепалка, которая переходит в потасовку).

В другой комедии Сумарокова – «Чудовищи» – в ответ на желание Бармаса «подать» на жену за нанесённую ею пощёчину «в Судном приказе челобитную» подьячий Хабзей на ходу устно проговаривает её содержание в привычной для себя форме: «Извольте челобитную подать в такой силе: что такого-то года, месяца и числа, в противность государственных прав, жёнка Гидима вам, нижеименованному, дала оплеуху, от которой-де у меня из глаз искры посыпались, и чтоб такое-то дело в Судном приказе исследовать и приказать заплатить вам бесчестье и увечье, а ей бы, жёнке Гидиме, дать наказ, чтоб ей впредь с мужем своим жить чинно и обязать её поруками, ежели ж она не уймётся и будет ваше высокородие заушать и впрядки, как крепостного своего человека, то чтоб оное взыскать на поруках» (Сумароков 1990, 311). Помимо несоответствия бытового житейского факта канцелярской форме его описания комизм этой тирады заключается

ещё и в том, что в ней приказные обороты («челобитную подать в такой силе», «в противность государственных прав», «нижеименованному», «дело исследовать», «приказать заплатить бесчестье», «обязать поруками», «оное взыскать на поруках») перемежаются просторечными («дала оплеуху, от которой ... из глаз искры посыпались», «не уймётся», «будет ... заушать и впрядки»).

Разновидностью подьяческой речи можно считать речь Удальцова в комедии Верёвкина «Точь-в-точь». Выходец из семинаристов, он обильно насыщает свой приказный язык церковно-славянскими словами и выражениями. В результате возникает парадоксальное соединение связанных с этими двумя лексико-стилевыми началами антагонистических моральных норм (одной, христианской, основанной на любви к ближнему своему, другой, приказной – на причинении ему зла), функцией которого является сатирическое обличение фарисейства Удальцова.

В сатире XVIII в. выражение «подьяческий» (или «приказный») «слог» становится устойчивым. В письме к издателю «Трутня» (1770, лист XIV) вертопрашка-кокетка высказывает упрёк по поводу предыдущих публикаций журнала: «А ином уж я и не гаварю, што из женскава слога сделал ты подьяческой, наставил ни к чему: обаче, иначе, дондеже, паче» (Новиков 1951, 233-234). То же понятие с его лексическим определителем, знаменитым «понеже», – у Лёвшина: «<...> только не приказным слогом, а по-солдатски, то есть без приложения слова «понеже»...» (Повести разумные и

замысловатые 1989, 480). Подьяческое «понеже» (канцеляризм XVIII в., означавший «по причине», «поскольку») было постоянным объектом вышучивания. Богданович, к примеру, написал на это слово эпиграмму (1761):

П о н е ж е говорят подьячие в приказе:
Понеже без него не можно им прожить,
Понеже слово то показано в указе,
Понеже в выписке оно имелось быть,
Понеже секретарь им сделался в заразе,
Понеже следует везде его гласить.
Понеже состоит вся сила в их понеже,
Затем и не живёт у них п о н е ж е реже.

(Муза пламенной сатиры
1988,105)

В качестве родового определения слово «подьяческий» нередко используется и для обозначения типических особенностей внешности, мимики, как, например, у Ф. Эмина – «приняв на себя подьяческий вид, говорил крючкотворным красноречием» (Повести разумные и замысловатые 1989, 52); «секретарь по-подьячески половиною рта отвечал» (Русская литература XVIII века 1979, 347). Атрибутами подьячего являются перо и бумага; Минос, судья в подземном царстве мёртвых, увидев в нём подьячего, восклицает: «Что за страшилище сюда идёт! Да ещё с пером и бумагою» (Русская сатирическая проза XVIII века 1986, 34).

Тексты XVIII в. фиксируют и особенности служебного поведения подьячих, не спешивших с выполнением просьб челобитчиков и постоянно откладывавших их с целью вымогательства взятки. Лексическими знаками такого поведения были слова «завтра» и «погодить». Так, желающий всего лишь подписать подорожную N.N., обратясь в коллегию,

выслушивает «бесконечные з а в т р а, обыкновенные ответы докучливым челобитчикам» (Новиков 1951, 233). Пасквин в комедии Сумарокова «Опекун» в ответ на слово «погоди» говорит Нисе: «Что это у тебя за пословица: погоди да погоди, <...> конечно, ты подьяческая дочь» (Сумароков 1990, 365). Другую характерную черту подьяческого поведения отмечает Обиралов в «Перемене в нравах»: «<...> уж это по-нашему, по-подьячески, брать да не отдавать» (Перемена в нравах 1789, I, 7).

В целях сатирического обличения авторы XVIII в. изображают приказную службу исключительно как доходную. В обращении к детям покойного профессора Крашенинникова (1760), пребывавшим после смерти отца в крайней бедности, Сумароков с горечью пишет, что если бы их отец был «приказный человек», то

Не стали бы носить вы нищенской сумы,
И статья бы могло, что б ездили вы
цуком,
Потом бы стали вы большие господа;
Однако бы блюли подьячески порядки
И без стыда
Со всех бы брали взятки,
А нам бы сделали пуд тысячу вреда.

(Сумароков 1957, 298)

В комедии Николева «Самолюбивый стихотворец» (1775) слуга Панфил, рассуждая о том, как бы ему выбиться в люди, одним из вариантов считает подьяческую службу:

Поди в подьячие... вить этот славный род!
Я бьюся об заклад, что много через год
Иль через два года ты будешь очень
знатен!

(Стихотворная комедия 1990,
267–268)

Герой «Повести о новомодном дворянине» Лёвшина Несмысл, оставшись без средств к существованию из-за «новомодного» дворянского образа жизни, определяется в приказные: «он достиг секретарского достоинства, накопил много денег, женился на дворянке и на счёт всего мира изжил век свой в довольстве» (Повести разумные и замысловатые 1989, 479). «Секретарское достоинство» – мечта всех подьячих, мелких канцеляристов. Когда Тресотиниус говорит подьячему, что в нём «путь есть» и что он «достоин секретарём быть», для последнего это звучит как похвала (Сумароков 1990, 307). Должность секретаря была вожделенна не только увеличением таксы и количества взяток, но и тем – и это главное, – что давала возможность получения личного дворянства, как и более низкая по рангу, но дававшая право на офицерский чин должность регистратора. Примечателен в этом плане диалог Нисы и Пасквины из комедии Сумарокова «Опекун»:

Ниса. Я дворянская дочь; так выйти мне за тебя нельзя, покамест ты не будешь дворянин.

Пасквин. Да я дворянином и в век не буду. Дворянство даётся за особливые отечеству услуги.

Ниса. На что отечеству услуги? Поди в подьячие да добейся до регистраторского чину, так и будешь дворянин.

Пасквин. А они разве дворяне?

Ниса. Как же не дворяне; им даются шпаги и офицерские чины.

(Сумароков 1990, 378)

Факт приобретения дворянства посредством приказной выслуги получил отражение в целом ряде произведений, большей частью в комедиях и в бас-

нях. «Записался в подьячие и стараньем своим вышел в офицеры и шпагу ныне носит» бывший крепостной и дядька дворянского недоросля Карпович из комедии Кропотова «Фомушка, бабушкин внучек» (1785) (Кропотов 1790, I, 4); разбогатея плутовством, он собирается покинуть усадьбу своих бывших хозяев и, «вступая в звание своего чина», путём подкупа нужных людей «скоро быть секретарём, а секретарь и дворянином уже себя почитает» (там же, III, 4). Помимо личных сословных привилегий полученное дворянство давало право на приобретение земли (поместий). В комедии О.Чернявского «Купецкая компания» (1780) купцы стремятся выдать своих дочек за секретарей из-за возможности купить вотчину: «Вить нам нельзя деревень покупать, так хоть под его [секретаря. – *И.К.*] именем владеть будем» (Чернявский 1780, 22). Иным способом становится помещиком Урываев Алтынников из комедии Верёвкина «Так и должно»: он противозаконно скупает «находящиеся между владельцами в спорах земли и людей на вывоз» (цитируется по: Берков 1977, 140). Нажитые взяточничеством деньги давали возможность получить дворянство и через брак на дворянке, путём союза капитала и титула, который не всегда оказывался удачным, как, например, в прозаической «нравоучительной» басне Ф. Эмина: «Некоторый приказный человек, женись на знатной вдове, был почитаем не как муж, но как последний слуга. <...> Она [жена. – *И.К.*] всегда его бранивала, называла мерзким подьячим и крапивным семенем» (Повести разумные и замысловатые 1989, 131–132).

Получение дворянства людьми низкого происхождения, особенно подьячими и откупщиками, вызывало негодование потомственного дворянства и его просвещённых идеологов. По мнению последних, новоиспечённые дворяне привносили дурную нравственность, основанную на культе личной выгоды с её цинизмом и моральной беспринципностью, что никак не совпадало с их собственным пониманием дворянина как человека чести, состоявшей прежде всего в служении Российскому государству. В этом смысле для Сумарокова не было альтернативы – «дворянство даётся за особливые отечеству услуги», а не за «регистраторский чин». По его убеждению, даже став дворянином, подьячий оставался подьячим. «Нрав переменить у человека трудно, а имя легко, – вещает со сцены Пасквин в комедии «Опекун». – Я знал людей, которых подьячими называли; после дали им имена регистраторов, после секретарями называти стали, а потом судьями. Имена им даваны новые, а нравы у них остались прежние» (Сумароков 1990, 364). Та же, по сути, мысль выражена и в комедии Я. П. Чаадаева «Дон Педро Прокодуранте, или Наказанной бездельник» (1794), где один из персонажей говорит: «Я слышал ... от многих молодых людей [дворян. – И.К.], что для того они не идут в гражданскую службу, что она загружена людьми недостойными, вышедшими в чины из подьячих, которые, переменя звание, всё ещё сохранили склонности, означающая подлое их происхождение» (Чаадаев 1794, II, 12).

Дворянское мнение о российском чиновничестве во многом совпадало

с общенародным восприятием, в котором практически любой чиновник, независимо от ранга, считался взяточником и бездушным крючкотвором. Об этом красноречиво свидетельствует сопоставление образов подьячих и судей в фольклоре, демократической сатире XVII в. и в сатирической литературе XVIII ст. Между ними обнаруживается почти полное сходство: типические черты остаются неизменными, они лишь расцветаются новыми бытовыми и социальными красками в зависимости от изображаемого времени. Стойкое негативное отношение к подьячим выражается в целом ряде прозваний, рассыпанных по произведениям XVIII в.: «крапивный род» или «крапивное семя», «гносно племя», «охальники», «(приказный) крючок», «приказная крыса», «скот», «приказная душа», «крючкотворец», «вор», «кровосос», «плут», «криводушный / мерзкий подьячий». Что касается фамильных номинаций подьячих-персонажей, то они, согласно традиции говорящих антропонимов, запечатлевают основные типические черты «характера»: Хабзей [вероятнее всего, от «хабить» – хапать, хватать, захватывать, присвоять себе], Урываи Алтынников, Взяткин, Крючкодей, Ябедин, Брагин, Обиралов.

Иногда описанию подьячего сопутствует мотив наказания за его злоупотребления со стороны власти, который, по всей видимости, отражал не столько сущее, сколько желаемое. «За взятки», до которых он «был охоч» так, что «грабил день и ночь», «повешен» грешный «родитель» подьяческой дочери из при-

тчи Сумарокова «Подьяческая дочь» (Русская басня 1966, 59). «Кнут грозит отверсти двери гроба» вместе с вором и «чиновному» за то, что он доходы «сбирал с невинного народа» (там же, 134). Бывший приказный Богатон за взятки несколько раз был «приговорён к смерти», сидел «в тюрьме и, чёрт знает, сколько раз» был «под плетями» (Волков 1788, 4). В комической опере Горчакова «Баба-Яга» возмездие осуществляется inferнальными силами: подьячий Взяткин проваливается сквозь землю в преисподнюю. Расплата за грехи неминуема для подьячего и после смерти – Минос в царстве мёртвых заявляет подьячему: «Первого я ещё такого вижу, который столько жил незаконно на земле. Ступай отсюда к фуриям, пусть они мучат тебя за то, что грабил и брал ты со всех людей немилосердно и без пощады» (Русская сатирическая проза XVIII века 1986, 35).

Основные, базовые черты подьячего как социально-бытового типа остаются практически неизменными до конца XVIII в. Но наряду с ними под влиянием непосредственных жизненных наблюдений авторы начинают запечатлевать и новые черты. В связи с этим В. В. Сиповский, имея в виду комедийный материал 1785-1800 гг., говорил даже о «новой» разновидности подьячего, характеризуя её следующим образом: «он [подьячий. – *И.К.*] <...> сделался культурнее, наряднее; мы узнаём теперь в некоторых комедиях подьячего высшего ранга, – подьячего-петиметра, подьячего, который старается

усвоить аристократические замашки, встречаем и подьячего-влюблённого» (Сиповский 1917, 270). Однако чаще такие черты, как петиметрство и влюблённость либо соседствуют с типическими, либо замещают какие-нибудь из них. Так, петиметрская черта введена в образ Обиралова: подтрунивая над его внешним видом («разобран в пух»), граф Беглоумов и дворянин Важников строят комические догадки, не влюблён ли он «в какую-нибудь толстую Секретаршу», и опасаются, что он может прельстить и их любовниц-щеголих («Перемена в нравах» 1789, I, 10). Щёголем, мотом и азартным игроком «в карты, в кости, в бильярд» представлен магистратский секретарь Лицемеров, обязанный должностью и азартными науками некоему Вертопрахову («Купецкая компания» Чернявского). Влюблённым изображается канцелярист Удальцов: он готов жениться на обесчещенной пугачёвцами дочери воеводы Трусицкого Пульхерии, так как давно её любит («Точь-в-точь» Верёвкина). Влюблённым показан и сельский подьячий в комической опере Нехачина «Неудачливый в любви подьячий» (на которую ссылается Сиповский). В строгом смысле эти черты нельзя отнести к типологическим, их можно классифицировать как дополнительные.

В своих устоявшихся чертах тип подьячего просуществует до начала XIX в., чтобы затем найти своё литературное продолжение в образах мелких чиновников нового столетия и прежде всего – в творчестве Н. Гоголя, А. Островского и М. Салтыкова-Щедрина.

ЛИТЕРАТУРА

Берков 1977 – Берков П. Н., *История русской комедии XVIII в.*, Ленинград, 1977.

Верёвкин 1785 – Верёвкин М. И., *Точь в точь. Комедия в трёх действиях. Сочинённая в Синбирске*, С.-Петербург, 1785.

Волков 1788 – *Чадолубие, комедия в одном действии*, Александра Волкова, Москва, 1788.

Кропотов 1790 – Кропотов П. А., «Фомушка бабушкин внучек: Комедия», *Российский феатр, или Полное собрание всех российских феатральных сочинений, Часть 35*, С.-Петербург, 1790.

Муза пламенной сатиры 1988 – *Муза пламенной сатиры: Русская стихотворная сатира от Кантемира до Пушкина*, Москва, 1988.

Перемена в нравах 1789 – *Перемена в нравах, комедия в двух действиях*, Москва, 1789.

Повести разумные и замысловатые 1989 – *Повести разумные и замысловатые: Популярная проза XVIII века*, Москва, 1989.

Радищев 1988 – Радищев А. Н., *Сочинения*, Москва, 1988.

Русская басня 1966 – *Русская басня*, Москва, 1966.

Русская литература XVIII века 1970 – *Русская литература XVIII века*. Сост. Г. П. Макогоненко, Ленинград, 1970.

Русская литература XVIII века 1979 – *Русская литература XVIII века. 1700–1775: Хрестоматия*. Сост. В. А. Западов, Москва, 1979.

Русская сатирическая проза XVIII века 1986 – *Русская сатирическая проза XVIII века: Сборник произведений*. Сост. Ю. В. Стенник, Ленинград, 1986.

Новиков 1951 – *Сатирические журналы Н. И. Новикова*, Москва – Ленинград, 1951.

Сиповский 1917 – Сиповский В. В., «Из истории русской комедии XVIII века: (К литературной истории “тем“ и “типов“»)», *Известия Отд. рус. яз. и словесн. Российской академии наук*, Т. 22, Кн. I, Петроград, 1917.

Стихотворная комедия 1990 – *Стихотворная комедия, комическая опера, водевиль конца XVIII – начала XIX века*. Сборник: Т. I, Ленинград, 1990 (Библиотека поэта. Большая серия).

Сумароков 1957 – Сумароков А. П., *Избранные произведения*, Ленинград, 1957 (Библиотека поэта. Большая серия).

Сумароков 1990 – Сумароков А. П., *Драматические сочинения*, Ленинград, 1990.

Чаадаев 1794 – Чаадаев Я. П., *Дон Педро Прокодуранте, или Наказанной бездельник: Комедия сочинения Калдерона де ла Барка*. С Гишпанского на Российской язык переведена в Нижнем Новгороде, Москва, 1794.

Чернявский 1780 – Чернявский О., *Купецкая компания: Комедия в одном действии*, Москва, 1780.

XVIII AMŽIAUS VALDININKĖLIO RAŠTININKO TIPAS RUSŲ LITERATŪROJE (II)

Irina Kulikova

S a n t r a u k a

Antroje straipsnio dalyje analizuojami tokie svarbiausi valdininkėlio raštininko (podjacio) tipologiniai bruožai, kaip savanaudiškumas, beširdiškumas, girtuokliavimas, pasipūtimas. Atskleidžiami šio satyrinio tipo kalbos ir elgesio savitumai. Podja-

kio satyriniai bruožai nustatomi A.Sumarokovo, M.Veriovkino, M.Komarovo, V.Liovšino, V.Priklonskio, N.Novikovo, J.Bogdanovičiaus, P.Kropotovo, O.Černiavskio bei kitų autorių įvairių žanrų kūrinuose.

Получено: 2008, август
Принято: 2008, сентябрь

Адрес автора:
Вильнюсский педагогический университет
Кафедра русской литературы
ул. Студенту, 39
LT-08106 Вильнюс Литва
E-mail: Kulikovadm@gmail.com